

Адриану понадобилась минута, чтобы понять: время остановилось, весь мир поблек, приобретает ледяной оттенок, и только кулон и он сам остались в своих обычных, сравнительно ярких цветах. — Потянувшись к мантии, он достал Эльдингр и, отпустив кулон, нанес удар палочкой в ту сторону, откуда ударила молния; лед исчез, как только он выпустил мощный артефакт. Последовал рев, хотя Адриан почти не понял, кто или что это было, поскольку молния была отклонена в сторону артефактом. Затем раздался звуковой удар. Его и Дафну защитили заклинания магической брони, но Тома отбросило назад, когда вытесненный воздух рванулся наружу с треском, от которого, должно быть, лопнули барабанные перепонки, но в остальном он казался невредимым. Не зря все маги, кроме самых могущественных, никогда не пытались атаковать настоящими элементами. Поляна превратилась в руины, земля была выжжена, а деревья буквально расколоты звуковым эффектом заклинания. Адриан был уверен, что звук был слышен за сотни миль. Воспользовавшись замешательством врагов, Адриан обрушил на мужчину серию взрывающих и связывающих проклятий, намереваясь удержать его, пока он освободит Дафну. При этом он подбежал к алтарю, на котором была подвешена Дафна. Взмахнув запястьем, он срубил ее и заключил в объятия. Вновь взмахнув палочкой, Адриан снял с подруги заглушающее проклятие и наложил успокаивающее заклинание, чтобы она замолчала. — «Ха-ха-Хадриан», — всхлипывала она у него на груди. — «Ты слышишь это?» — «Нет-нет. О боги. Даф, давай закончим с этим и вытащим тебя отсюда». Адриан обвел взглядом окрестности, пока не обнаружил Тома, сидящего с перерезанным запястьем, вокруг него был круг крови, а на заснеженной земле вокруг него были наспех вырезаны руны. — «Он... он взял мою кровь!» — задыхалась она между рыданиями. Выражение лица Адриана стало громовым. — «Тобиас, что ты делаешь, прекрати!» — прогремел Адриан. Он вызвал свой жезл Холли и передал его Дафне. У него был Эльдингр, и она тоже была вооружена. — «Ты, как ты смеешь. Ты все испортила, третьекурсница! Есть секреты, которым научил меня мой учитель Герпо, и которые откроют, почему я — величайший волшебник на земле», — безумно гогоча над своей очевидной гениальностью, он сделал шаг назад, начал напевать, взмахнул палочкой, и связанная девушка полетела через лес. По тому, как двигалась магия, он понял, что это магл. На мгновение воцарилась тишина, а затем раздался резкий звук, и прежде чем Адриан успел что-либо предпринять, ей перерезали горло. Воздух наполнился темнотой, тени стали длиннее, и, к ужасу Адриана, к голосу подростка вскоре присоединились другие. Он уже видел нечто подобное — одно из воспоминаний Поттера. Это была Анафема, это было Невыразимое, что бы Том ни собирался призвать, это будет плохо. Быстро сообразив, Адриан взмахнул палочкой и посылал в подростка заклинание за заклинанием, пытаясь покончить с этим побыстрее. Каждое заклинание, посланное Адрианом в подростка, отклонялось, как будто Том даже не находился в том же измерении, что и заклинания Адриана. Адриан читал о языке нижних планов, но никогда не слышал ни о ком, кто осмелился бы произнести хоть одно слово на языке фел. /Кровь, которую Том размазал по кругу из бедной девочки-магл, заострилась и задвигалась, образуя четкие глифы, которые повисли в воздухе. Смысл демонического вливался в сознание Адриана, как мед, коварный и злой, но все равно липкий и сладкий. Адриан попытался вспомнить заклинания, чтобы сразиться с одним из планетарных существ или даже помешать его вызову. Предупреждение было только одно: нарушение ритуала означало бы нарушение завесы между плоскостями, а разрыв, особенно нестабильный, — вот почему этот вид магии считался невыразимым, и упоминание о нем тому, кто этого не знал, означало смертный приговор. /би чамайг эне онготсонд тавтай морилно уу, я приветствую тебя на этом плане, / глифы начали светиться. / Танд таалагдах хюмюстеи уулзах гедж байна, пировать над своими врагами, / Он чувствовал, как Дафна дрожит рядом с ним, понимая, что это, несомненно, они. / Я призываю тебя, о Повелитель Печалей, — внезапно Адриану стало еще хуже от того, к чему призывает этот Том, так называемый Наследник Слизерина. Они с Дафной медленно подняли глаза и в ужасе посмотрели на ночное небо: даже луна в одно мгновение стала кроваво-красной, а воздух охватил неестественный холод. Дементоры. / Схватив Дафну за руку, он положил Эльдингра между их сцепленными ладонями и схватил

свой кулон, замедляя время вокруг них, и воздух приобрел холодный оттенок, когда он начал быстро бормотать себе под нос. — «Я айгида ту миалоу тис атинас», — серая полоса греческих рун обвилась вокруг ее лба. — «О йпераспистис ту ортологисмоу», — Дафна удивленно посмотрела на него, когда на серебряной полосе рун появился золотой знак. Она почувствовала прилив спокойствия. Адриан напрягся: наложение неподготовленного сигила было гораздо более тяжелым испытанием для разума, чем любой другой вид магии. А он только что наложил три. Адриан увидел, как время начинает возвращаться в нормальное русло, а мир медленно тает, и он произнес последнее заклинание — «Анима Клипеус». Когда его зрение поплыло, а кровь заполнила рот и капает из носа, время вернулось в нормальное русло. Адриан знал пределы своих возможностей: нагрузка, которую артефакт оказывал на его разум, удваиваясь с каждым заклинанием, подталкивала его к ним сильнее, чем все, что он делал за долгое время, но через несколько минут он будет в порядке. Использовать сигилы на другом человеке было для него слишком сложно. Он успел поставить только три, которые каждый Поттер ставил в Задумчивости. Не зря это заклинание считалось первым из старых магических заклинаний. Три заклинания, которые требовались, прежде чем вы могли увидеть Невыразимые тексты или Свитки Маледиктуса. Это были разные заклинания на разных языках, но поскольку семья Адриана происходила из Рима, а римляне часто пользовались греческими заклинаниями, он наложил три заклинания: Эгиду Афины — сигил, не позволяющий твоему разуму расколоться, вторую часть сигила — ПЕЧАТЬ РАЦИОНАЛЬНОСТИ — печать, не позволяющую мгновенно сойти с ума от того, что ты наблюдаешь, и наконец Щит души, который не позволит ни одному постороннему существу мгновенно похитить твою душу из тела. Эти меры были далеки от совершенства: вам все еще могли проткнуть грудь, вырвать сердце или мозг, если бы кто-то был достаточно силен и решителен. Но это, по крайней мере, даст Дафне шанс увидеть, что ее убило. Покачивая головой, Адриан поднял голову и сплюнул кровь — успеть увидеть, как Том закончит заклинание. — Горзотын зовлонг аймшигтай. Горзот Страшный! — выкрикнул Том. — Горзотын зовлонг аймшигтай. Дементоры ликовали. Внезапно, со звуком бьющегося стекла, зеркальное озеро треснуло, а затем взорвалось вверх. Из него вырвалось чудовище, которое будет преследовать Адриана и Дафну долгие годы, даже с учетом защитных механизмов. — Горзотын зовлонг аймшигтай. Горзот Ужасный! — Демон зарычал. Он возвышался на девять футов. Скелетное тело демона покрывала тонкая, белая, мерцающая кожа. На нем виднелись все ребра — их было слишком много, чтобы принять его за человека, — и он был окутан простыми черными тенями, что делало его очень похожим на дементора, но что делало Горзота таким ужасающим, так это его лицо. Почти вдвое больше человеческого черепа, бритвенно-зубастый рот Горзота ухмылялся от уха до уха, глаза светились красным, а нос был маленьким и прищуренным. Волосы на его голове были спутаны. — Добро пожаловать, великий Горзот, на Землю, впервые за несколько тысяч лет. — Том не успел закончить фразу, как дементоры, стоявшие за его спиной, набросились на него и заставили опуститься на колени. — Н-нет. Ты не можешь, я твой призыватель! Остановитесь! Нет! — Внимание демона, казалось, было сосредоточено на Томе, и Адриан сделал шаг, схватив Дафну за талию и крутанув, чтобы вывести Трансгрессию из леса. Раздался оглушительный треск, и Адриан вдруг обнаружил, что он и Дафна рухнули в нескольких сотнях ярдов от него, на вершине холма у дальнего края поляны. — Я буду с вами в ближайшее время, малыши. — Голос демона раздавался, казалось, всегда прямо у них за ушами. Он все еще не повернулся к ним лицом. Дафна едва не вскрикнула от ужаса. Иногда безумие само по себе было наказанием.